

**Материальное обеспечение духовенства в удмуртских
приходах Вяткой губернии в конце XIX – начале XX в.**

Вятская епархия в конце XIX в. являлась одной из крупнейших в Приуралье, как по площади, так и по численности жителей. Население края отличалось многонациональностью и поликонфессиональностью. Большинство «инородческого» населения составляли удмурты, проживавшие в Глазовском, Малмыжском и Елабужском уездах. Массовая христианизация финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья произошла еще в XVIII в., однако, и в конце XIX в. православное духовенство продолжало считать, что «инородцы» весьма слабо утверждены в христианской вере. Поэтому приходские священно- и церковнослужители должны были сочетать исполнение своих прямых обязанностей с миссионерской деятельностью.

Приходская структура в районе расселения удмуртов к концу XIX в. уже сложилась. Например, в 1889 г. в Глазовском уезде насчитывалось 84 священника, а в Сарапульском уезде – 50¹. Если сопоставить эти цифры с количеством крестьянского населения в этих уездах, то получится, что в Глазовском уезде на одного приходского священника в среднем приходилось 3976 человек, из них 1625 – удмуртов. В Сарапульском уезде один священник должен был «окормлять» 6551 человека, из них удмуртов – 1821². Таким образом, приходы были крупными и, как правило, смешанными по этническому составу (русские и удмурты). Существовала потребность в выделении новых приходов, формировании новых сел. Духовенство считало, что большое количество «инородческой» паствы делало приход малоодоходным, поскольку удмурты менее охотно, чем русские, выполняли свои обязанности по обеспечению причта.

При образовании новых «инородческих» приходов государство не брало на себя обязательств по обеспечению их духовенства, перекладывая эти материальные проблемы на плечи новокрещенных. Таким образом, прихожане-удмурты должны были тратить средства по нескольким статьям: построение церкви, ее украшение и обеспечение иконами, утварью, священническими облачениями, отопление церковного помещения. В отношении причта первой обязанностью прихожан становилось выделение земельного надела, а также обеспечение священно- и церковнослужителей жильем. В конце XIX в. Вятская духовная консистория не давала разрешения на открытие нового прихода, пока не была отведена земля для причта, а также крестьянами не было подписано обязательство об обеспечении приходского духовенства продуктами или деньгами.

Доходы служителей приходских церквей поступали из самых разнообразных источников. Во-первых, это был земельный надел при церкви, характер использования которого зависел от причта. Нормой считалось выделение 33 десятин на причт. Обычно в состав надела входила усадебная, сенокосная и пахотная земля. Часто пахотный и сенокосный участки сдавались в аренду крестьянам за денежную плату или часть урожая. В начале XX в. участились случаи, когда крестьяне отказывались предоставлять землю причту, самовольно захватывали ее, несмотря на закон 1883 г., запрещавший отнимать или занимать земли, отведенные церквям для «довольства» причтов³. Особенно это было характерно для общин, в которых ощущалась нехватка земли. Иногда при открытии новых приходов крестьянские общины выделяли духовенству неудобные, расположенные далеко от села, неплодородные участки земли.

Во-вторых, пожертвования прихожан, денежные или натуральные. Так называемую ругу приходское духовенство должно было собирать самостоятельно, для чего дважды в год члены причта объезжали приход или закрепленную за ними часть прихода. Основную часть хлебных сборов составляли рожь, ячмень и овес. Обычно духовенству полагалось выплачивать по 3–6 пудов зерна с семьи («с венца»). Денежный кружечный доход от добровольных пожертвований и плата за требы делились между членами причта.

В-третьих, некоторые причты церквей получали доход от средств, вложенных в процентные бумаги. Этот источник был более характерен для причтов крупных сел, где была развита торговля, например, Дебесы, Игра, а также для причтов церквей при Ижевском и Воткинском заводах. Их прихожане имели возможность жертвовать и завещать достаточно крупные суммы на содержание духовенства.

В-четвертых, некоторые причты удмуртских приходов начали получать во второй половине XIX в. казенное жалование. В 1893 г. была восстановлена практика назначений жалования духовенству, в первую очередь – беднейшим причтам, доходы которых в год не превышали трехсот рублей⁴. Было принято решение о постепенном обеспечении всего духовенства Империи жалованием от государственной казны. Однако, несмотря на то, что ежегодно из государственной казны отпускалось все больше средств, процесс наделения причтов жалованием шел очень медленно. Размер предоставляемого государством жалования был невелик: священнику полагалось за вычетом двух процентов в пенсионный фонд 294 рубля, диакону – 147, а псаломщику – 98 рублей в год.

Содержание священников, несмотря на выделение некоторым причтам казенного жалования, в конце XIX – начале XX в. было недостаточным. В числе наименее обеспеченных на 1890 г. можно

назвать в Глазовском уезде причты сел Кулиги, Мартелово и Курьи, в Сарапульском – села Тарасовского⁵. После назначения духовенству этих приходов государственного жалования руга выплачивалась прихожанами в меньшем размере или не платилась совсем. Прихожане считали, что содержание всех причтов берет на себя государство, следовательно, они свободны от поборов духовенства. Например, в селе Понино в 1901 г. резко сократились до одной трети от обычного размера плата за требы и руга. Это произошло после того, как стало известно о назначении денежного казенного жалования причтам соседних церквей в селах Карсовой и Северское. Прихожане решили, что государство теперь будет полностью обеспечивать все духовенство, в том числе и их причт, а значит, выплаты служителям церкви можно прекратить⁶. Для священно- и церковнослужителей подобная ситуация была весьма унижительна: им приходилось ездить по приходу, собирая ругу, выпрашивать ее у крестьян. Споры и пререкания с духовенством из-за нежелания прихожан отдавать продукты и деньги возникали во многих приходах⁷. С другой стороны, недавно вступивший в должность Епископ Вятский и Слободской Никандр в январе 1915 г. в письме митрополиту Флавиану заметил: «В общем духовенство живет здесь зажиточно, но при всем том заботы о лучшем материальном обеспечении, заботы о семье преобладают над пастырской работой в ущерб ей. Плоть немощна, но и дух не бодр»⁸.

В связи с неудовлетворительным материальным обеспечением духовенство прибегало к некоторым злоупотреблениям. Бывали случаи, когда духовенство использовало сохраняющееся двоеверие удмуртов в личных корыстных целях. Так, зная о роли культа предков в мировоззрении «инородцев», священники «не без успеха склоняли их творить поминовения усопших в церкви до 40 дней», за что брали соответствующую плату⁹. Пользуясь тем, что удмурты в соответствии со своими языческими представлениями, стремились совершить похороны как можно быстрее, священники повышали плату за отпевание или сначала требовали заплатить долги за предыдущие требы, иначе – оставляли отпевание на другой день. Так же могли поступить и с венчаниями.

Подобные отношения приводили к тому, что христианская религия воспринималась удмуртами как дорогая русская вера: необходимо было собирать средства на строительство храма, выделить причту землю или назначить ругу, платить за исправление треб. Церковные власти сразу после совершения обряда смотрели на новокрещенных как на полноценных прихожан, обязанных взять на себя расходы по содержанию священно- и церковнослужителей. Подобное положение вещей не могло сделать православие более привлекательным в глазах «инородцев», которые зачастую видели в этом

«посягательство на свою свободу, даже на свое имущественное благосостояние», а духовенство воспринимали «корыстолюбивыми притеснителями»¹⁰. Но изменить подобное положение епархиальные власти не могли и не хотели. Когда в 1883 г. к Преосвященному викарию епископу Сарапульскому во время его поездки по викариатству поступили жалобы прихожан на слишком большие притязания духовенства, он посчитал их результатом деятельности «писак, которые разъезжают по селениям, возбуждают в народе неудовольствия, предлагают крестьянам, за известное вознаграждение, написать какую угодно клеветную просьбу...», и расследования по этим жалобам не последовало¹¹.

Проблематичность во взаимоотношениях удмуртского прихода и русского причта отразилась в фольклорном творчестве. О безнаказанности злоупотреблений духовенства говорится в пословицах: «Попез эксэй судэ отем, поп нош кылытэк кылэм» («Царь попа на суд призвал, а поп и не расслышал»); «Попез дисез чокта» («Попа ряса прикрывает»)¹²; «Поплэн азад киросэз, бераз пуизэ» («У попа впереди – крест, а сзади – мешок»)¹³.

С другой стороны, престиж должности священника падал, тем более что она больше не предполагала достаточного материального обеспечения. И это обстоятельство мешало в определенной степени миссионерской деятельности: приходское духовенство не было заинтересовано в привлечении новых кадров в свои приходы и даже в создании новых приходов, в которые назначался новый причт – это уменьшало их паству, а, следовательно, сокращало доходы. С такой ситуацией столкнулся Вятский епископ Никандр даже в кафедральном соборе – причт воспротивился назначению новых священно- и церковнослужителей и единственный выход, который видел преосвященный – определять новым членам причта казенное жалование¹⁴.

В результате в начале XX в. приходское духовенство «инородческих» приходов в материальном обеспечении зависело от государства и от паствы. Основную часть доходов священно- и церковнослужители должны были получать от прихожан. Этот фактор материальной зависимости мешал установлению доверительных пастырских отношений духовенства с удмуртами.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 193. Д. 79. Л. 35–36, 44–45.

² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Ч. I. Вятка, 1893. С. 768–788; Т. VII. Сарапульский уезд. Ч. II. Вятка, 1892. С. 382–401, 404–439.

³ Айвазов И. Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914. С. 13.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1329. Л. 59–60.

⁶ ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 982. Л. 43–43 об.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 996. Л. 4.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 727. Л. 6 об.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2020. Л. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 996. Л. 4.

¹² Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки. Устинов, 1987. С. 189.

¹³ Герд К.П. Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки. Кн. 1. Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. М., 1926. С. 59.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 727. Л. 6 об. – 7.

*К.А. Моргунов
(Оренбург)*

Религиозная жизнь евреев г. Оренбурга и антирелигиозная политика государства (1930-е – 1980-е гг.)

Проведение государственной антирелигиозной политики привело к закрытию синагог в г. Оренбурге и ликвидации религиозных общин. Две синагоги были закрыты в 1928 г., и еще одна синагога прекратила свое существование в 1931 г. Одна из синагог, по ул. Орджоникидзе, д. 27, была занята управлением Оренбургской железной дороги (позже занято областным обществом ДОСААФ), а другая, по Пьяновскому переулку, д. 5, была переоборудована под общежитие студентов железнодорожного техникума. Здание третьей синагоги, по ул. Орджоникидзе, д. 87, просуществовавшей вплоть до 1931 г., было разделено на две части. Половина дома была продана швейной фабрике № 1, а вторая половина была заселена жильцами.

В годы войны еврейское население в г. Чкалове¹ значительно увеличилось за счет лиц, эвакуированных из западных областей страны. По некоторым данным, число евреев в городе превышало пять тысяч человек. Кроме того, по данным чкаловского обкома ВКП(б), к середине октября 1941 г. в Чкаловскую область было эвакуировано и расселено по районам 40355 евреев.

В 1944 г. поступило первое ходатайство о возвращении в пользование одной из закрытых в 1928 г. синагог. Ходатайство было отклонено ввиду использования зданий бывших синагог под производственно-бытовые нужды, и еврейская община предприняла шаги к постройке нового молитвенного здания. Однако резкое уменьшение количества еврейского населения, связанное с возвращением эвакуированных граждан на освобожденные территории, привело к серьезным материальным проблемам, и от этого замысла верующим пришлось отказаться.

В 1945 г. группа верующих евреев подает новое ходатайство об открытии в арендуемом помещении молитвенного дома (ул. Крас-